

Т.И. Ряховская

ПРЕЕМСТВЕННОСТЬ В КОНСТИТУЦИОННОМ ПРАВЕ РОССИИ: СВЯЗЬ С ПРЕДШЕСТВУЮЩЕЙ ДОКТРИНОЙ И ПРАКТИКОЙ

В представленном исследовании рассматривается проблема преемственности в конституционном праве. Автор полагает, что возможно выделить ее наиболее яркие проявления: 1) связь с предшествующей доктриной и практикой (конституционные реставрации); 2) используемые формы закрепления конституционно-правовых норм. Обозначенное подтверждает: преемственность способствует сохранению тех особенностей, что присущи каждому конкретному государству – его конституционной самобытности.

Ключевые слова: преемственность в конституционном праве; рецепция; конституционная самобытность; конституционная доктрина.

Взаимодействие государств зачастую приводит к рецепции и универсализации конституционно-правовых норм. Подобный опыт не чужд и Российской Федерации. Вместе с тем существуют некоторые параметры конституционной самобытности и нетождественности. Одним из таковых выступает преемственность, которая, не имея легального закрепления, может быть рассмотрена как перенесение правом государства положений прошлых лет. О разрыве в ней в отечественной доктрине принято упоминать дважды: 1) в контексте построения системы социалистического права как чего-то нового, отличного от дореволюционного; 2) современного, не похожего на марксистское.

Стоит отметить, что в 1980–1990-е гг. дискуссии, касающиеся преемственности в праве, почти не встречаются. Этот вопрос, впрочем, как и проблема своеобразия в развитии конституционного права стран актуализируются в науке уже после образования новых государств (особенно в связи с распадом СССР) и появлением Основного закона Российской Федерации 1993 г.

Целью настоящего исследования является конкретизация и иллюстрация специфических параметров, которые оказались «связующим звеном» между государственным правом прошлого и настоящего времени.

Ранее советскими учеными предпринимались попытки уточнения заявленной категории, выявления направлений, по которым была бы возможна преемственность советским правом права, действующего ранее. Так, В.К. Бабаев выделял следующие элементы этого процесса: 1) содержание; 2) форма; 3) юридическая техника, правила которой рассматриваются и как элемент общей культуры [1. С. 104–106]. Однако в первом случае, полагая, ученый говорит не только о преемственности, но и о заимствовании – рецепции, приводя в пример презумпцию невиновности обвиняемого, которая была впервые сформулирована в документе Великой французской революции – Декларации прав человека и гражданина 1789 г. (ст. 9) и потеряла, по его мнению, в буржуазном праве свой смысл и значение в отношении трудящихся и только при социализме стала подлинной гарантией прав обвиняемого и подсудимого в уголовном процессе. Представляется, что автор, употребляя их в таком контексте, смешивает эти два понятия. В то же время два по-

следних пункта применимы и к отечественному конституционному праву: преемствоваться, т.е. «перениматься», могут элементы формы (все предыдущие Основные законы именовались конституциями, впрочем, это является общераспространенной практикой) и юридической техники (примерно одинаковые конструкции норм: нормы-дефиниции, нормы-декларации). Относительно вопроса о преемственности содержания, полагая, он может быть решен положительно, но в рамках преемственности без внесения зарубежных идей, с акцентом на внутригосударственную обстановку и национальный интерес, которые отражают составляющие конституционной самобытности.

Н. Неновски, как и В.К. Бабаев, обращал внимание на то, что, в основном, в литературе отстаивался тезис о прерываемости в историческом развитии права от буржуазного к социалистическому, что приводит к полному игнорированию наличия преемственности как одного из важнейших аспектов диалектических законов, по которым право развивается [2. С. 17].

Что же касается процесса разработки и принятия современной Конституции Российской Федерации, то по мнению А.С. Прудникова и К.В. Чувилкина, осуществляемый в условиях политического кризиса, он привел к тому, что тысячелетний опыт государственно-правового развития страны оказался неучтенным [3. С. 397]. С этим сложно согласиться, так как создание Конституции Российской Федерации осуществлялось учеными, которые, в основном, начинали свою деятельность в период существования СССР, а значит, пользовались своими размышлениями, идеями в этой сфере и при обсуждении действующего Основного закона. Указанное не могло не отразиться в усвоении – преемственности некоторых сформировавшихся в прошлом категорий.

Параметрами, которыми обуславливается преемственность в праве, в целом могут выступать: 1) государственное управление (методы и формы); 2) культурный аспект: национальные традиции, религия, язык и юридическая техника, правовая культура; 3) правовые нормы, отражающие наиболее часто встречающиеся сферы общественных отношений из отраслей уголовного, гражданского и семейного права; 4) развитие международных отношений и влияние норм международного права.

В качестве же специфических направлений преемственности для конституционного права представляется возможным выделить: 1) связь с предшествующей доктриной и практикой (конституционные реставрации); 2) используемые формы закрепления конституционно-правовых норм.

Так, С.В. Липень справедливо уточняет, что все же значение момента преемственности права Советской России с правом дореволюционной России не сводилось к нулю: многое из существовавших ранее предписаний и процедур было воспроизведено вновь [4. С. 294–297]. В качестве примера можно привести понятия закона, выработанные в дореволюционный период: 1) «ряд правил относительно распределения и осуществления мощи над лицами и вещами, правил, которые установлены и исполнение которых вынуждается обществом» [5. С. 36]; 2) «юридическая норма, которая получает обязательную силу по предписанию законодательных органов верховной власти и этими же органами облекается в определенную словесную редакцию, которая никем, кроме законодательных органов, изменяема быть не может» [6. С. 90]. Несмотря на то, что этот термин не встречается в Конституциях РСФСР 1918 г., СССР 1924 г., он все же возвращается в Конституции СССР 1936 г. (в ст. 14 используется обобщенная формулировка законодательство, далее – ст. 39 – закон). И современное определение этого термина перекликается с изложенным до периода революций.

В 1910 г. Н.И. Лазаревский отмечает, что в XVIII в. был издан ряд указов, в которых предписывалось «верить» только собственноручно подписанным указам Государя. Подпись, по его замечанию, как бы являлась формальным признаком закона. Некоторые ученые настаивали на том, как раз она (подпись) имеет главное значение, по мнению же других, преимущественное значение имело предварительное обсуждение законопроекта в Государственном Совете [7. С. 405–406]. Подробнее описывается в трудах Г.Ф. Шершеневича: если Государь отказывается в подписи, то дело прекращается; если же утверждает, то проект закона превращается в закон. Тогда он обнародуется через Сенат в особом издании: «Собрание узаконений и распоряжений правительства» [8. С. 100]. И сегодня возможно наблюдать существование официальных источников опубликования нормативно-правовых актов, схожесть процедуры принятия законопроекта: необходимо его обсуждение, а затем подпись президента РФ. Более того, если проследить стадии принятия законопроекта, то можно выявить следующее: в дореволюционном отечественном государстве их составляла: «1) инициатива закона; 2) обсуждение и установление его текста; 3) утверждение или санкция; 4) обнародование» [7. С. 416]. «Повторность» указанного наблюдается и по сей день. В советский же период основное внимание уделялось ведомственному нормотворчеству, не прослеживалось личной ответственности главы государства. Это приводило к обесцениванию конституционных норм и нарушению иерархии построения всей системы источников конституционного права, ослаблению авторитета Основного закона [9. С. 199].

Ученый С.Л. Зивс, в период существования Конституции СССР 1977 г., писал, что для реализации конституционных положений требуется весьма сложная совокупность опосредствующих нормативных предписаний [10. С. 73–79], отмечая особенности судебной и административной практики: фактически применялось конституционное положение, однако в качестве правового обоснования конкретного решения использовалась опосредующая норма права. При этом ученый приводил характерные примеры: при отмене приговора ввиду нарушения конституционного права на защиту нередко делается ссылка не на статьи Конституции, а на производные нормы Уголовно-процессуального кодекса; Пленум Верховного Суда СССР в своих руководящих разъяснениях [11] в ряде случаев указывал на недопустимость несоблюдения конституционных положений, но это имело место далеко не во всех ситуациях [12. С. 15]. Он справедливо говорил: подобное отношение к конституционным нормам подрывало уверенность граждан в том, что любое положение Основного закона действует реально и непосредственно, а опосредующие нормы не воспринимались в таких случаях как вспомогательные средства реализации конституционного веления [10. С. 75–79]. По-нашему мнению, подобное отношение к Конституции недопустимо. Мало декламировать авторитет конституционных норм, необходимо обеспечивать их практическую реализацию.

Современный подход к классификации действующих нормативных правовых актов, традиционно используемый многими авторами, обнаруживает свои истоки также в работах Н.М. Коркунова [13], Г.Ф. Шершеневича [8], В.М. Хвостова [6], Н.И. Лазаревского [7] и других видных специалистов, которые описывали существование законов обычных и конституционных, законодательных актов и подзаконных, необходимость толкования и систематизации норм права, причем представленные способы и формы используются и развивают в современной науке.

Например, П.Г. Виноградов писал: «...если существует письменная конституция, которую возможно видоизменить или расширить лишь путем особой процедуры, то изданные законодательными учреждениями законы подлежат контролю с точки зрения их согласия с этой конституцией» [5. С. 75], что вполне четко передает и современный подход к иерархии в системе нормативных правовых актов.

Таким образом, юридическое научное знание, несмотря на отказ от ранее накопленного опыта, все же оказалось преемником по некоторым направлениям, которые можно выразить так: 1) между дореволюционной российской и марксистской юридической наукой; 2) юридической наукой 20–80-х гг. XX в. и современной юридической наукой; 3) между российской дореволюционной и современной юридической наукой [4. С. 296]. Отсюда можно сделать вывод, что если процесс преемственности не чужд государствоведению, то и в нормах права он тоже будет отражен, так как создавались они, в основном, теми же людьми и под воздействием той же теории, формирующей правовую культуру, влияющей на правовое сознание участников правотворческого процесса.

По мнению Ф.Ф. Литвиновича, «сущность преемственности в праве проявляется в развитии старого качества в новом, прошлого в настоящем, но в интересах будущего» [14. С. 66], вместе с тем, не всегда «настоящее» мыслит в интересах будущего. Если понимать рецепцию как заимствование из прошлого, то это понятие действительно созвучно рецепции. Но рецепцию обычно понимают как заимствование извне (зарубежное), а не из собственного прошлого. И если наблюдается прерывание преемственных связей – это вовсе не означает, что она не случилась совсем. И хотя В.А. Рыбаков пишет, что советское правоведение отрицало преемственные связи советского права с правом дореволюционной России, однако это оказалось не подтверждено практикой правового строительства того времени [15. С. 13–14]. На наш взгляд, преемственность может включать элементы реставрации: «...примером тому являются такие реставрированные из имперского прошлого конституционные явления, как институт губернаторства, институт мировой юстиции, суд присяжных» [16. С. 28], гражданское общество.

Так, например, последний термин широко использовался в русской дореволюционной литературе. В годы советской власти он не употреблялся, так как предполагалось, что произойдет последующая ликвидация различия между гражданским обществом и государством путем отмирания государства и соответственно права. Возрождение же интереса к вопросам гражданского общества в конце XX в. связывают с процессом упорядочения демократических ценностей, принципов и институтов. Гражданское общество сегодня представляет собой необходимый и рациональный способ сосуществования людей, основанный на разуме и свободе [17. С. 37]. Гражданское общество – важный признак правового государства, которым провозглашается Российская Федерация в ст. 1 действующей Конституции.

Марксистскому государственному праву был известен институт «наказов избирателей», нормы которого нашли свое закрепление в Конституции СССР 1977 г. (ст. 102): «Избиратели дают наказания своим депутатам. Соответствующие Советы народных депутатов рассматривают наказания избирателей, учитывают их при разработке планов экономического и социального развития и составлении бюджета, организуют выполнение наказов и информируют граждан об их реализации». Сегодня рассматриваемое не получило конституционного закрепления как форма прямой демократии, практика показывает, что этот институт восстанавливается (реставрируется) с помощью регионального регулирования. Так, в Новосибирской области действует Закон Новосибирской области от 1 июля 2015 г. № 574-ОЗ «О наказах избирателей депутатов Законодательного Собрания Новосибирской области», на уровне местного самоуправления – Положение о наказах избирателей в г. Новосибирске, утвержденное Решением Совета депутатов города Новосибирска от 23 декабря 2009 г. № 1490. Таким образом, можно наблюдать преемственность между институтами не только дореволюционного конститу-

ционного права и современного, но и советского и современного.

Как было сказано ранее, распространенной формой закрепления конституционных норм в дореволюционный период являлся закон, однако Конституция РСФСР 1918 г. такую форму не закрепляет, указывая лишь на существование декретов, распоряжений, инструкций, постановлений и решений (П. 38), а также мирных договоров (П. 51, пп. б). Конституция СССР 1924 г. добавляет Декларацию об образовании СССР и Договор об образовании СССР, разделяя при этом источники права на Конституции союзных республик, дополняя: «ЦИК издает кодексы, декреты, постановления и распоряжения, объединяет работу по законодательству и управлению СССР» (П. 17), а кодекс «получает силу закона» (П. 22), что говорит о постепенном возвращении закона как формы права.

В Конституции СССР 1936 г. в ст. 14 используется обобщенная формулировка «законодательство»; «закон» (ст. 39); появляются Указы Президиума Верховного Совета СССР, постановления и распоряжения Совета министров СССР и Совета министров Союзных республик; в ст. 49 – международные договоры, которые и ранее встречались.

В Конституции СССР 1977 г. Верховный Совет СССР описывается как орган, в который поступает законодательная инициатива (ст. 133). В Российской Федерации, это, как известно, Государственная Дума (ст. 104 Конституции РФ 1993 г.), что можно воспринимать как преемственность.

В итоге попытка отказаться от ранее существующих форм права, таких как, например, закон, наблюдается в Конституции РСФСР 1918 г. Однако далее постепенно этот источник права возвращается. В действующей же Конституции мы встречаем такие разновидности законов, которые были не чужды и ранее описанному дореволюционному периоду.

Более того, такие формы, как международные и внутренние договоры, по сей день известны российскому конституционному праву как действующие источники. И следует заметить, что некоторые из них были заключены в период существования СССР.

Интересен факт связи дореволюционных источников и марксистских: в систему советского права были включены религиозные нормы, о чем пишет В.А. Рыбаков: «В период с 1919 по 1928 г., когда решалась судьба советской власти в южных регионах страны, допускалась деятельность казийских (шариатских) судов, признавались гражданские права и функции исламских законовладельцев, лояльно относившихся к советской власти» [18. С. 20]. Более того, Россия, несмотря на коренные преобразования общества, в начале 90-х гг. XX в. на протяжении 5–10 лет еще продолжала пользоваться законодательством РСФСР (по крайней мере в рамках отраслевого регулирования) [18. С. 10].

Кстати, еще одним доказательством преемственности формы права советского периода и современного может служить следующее: в период Октябрьской революции 1917 г. и в эпоху либеральной революции в России (1991–1993) широко использовалась одна и та же форма законодательного акта – Декларация.

Если в первом случае это были Декларация прав народов России (1917), Декларация прав трудящегося и эксплуатируемого народа (1918), то во время либеральной трансформации общества – Декларация прав и свобод человека и гражданина (1991) и Декларация о государственном суверенитете РСФСР (1990) [19. С. 10]. Более того, Конституция – это тоже форма, которую мы наблюдаем уже столетие в качестве Основного закона.

Резюмируя вышеизложенное, полагаем, что преемственность в конституционном праве происходила

и все же была непрерывной между дореволюционным и советским, дореволюционным и современным, советским и современным периодами. Наиболее ярко эта связь прослеживается с предшествующей доктриной и практикой, что принято называть конституционными реставрациями, а также в используемых формах закрепления конституционно-правовых норм. Более того, преемственность как процесс способствует сохранению тех особенностей, что присущи каждому конкретному государству, а значит, и его конституционной самобытности.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бабаев В.К. О преемственности между социалистическим и прошлыми типами права // Советское государство и право. 1975. № 12. С. 102–107.
2. Неновски Нено. Преемственность в праве (пер. с болг.). М. : Юрид. лит., 1977. 168 с.
3. Прудников А.С., Чувишкин К.В. Мировоззренческие проблемы современной правовой науки в русле процессов преемственности в конституционном праве // Юридическая техника. 2011. № 5. С. 396–398.
4. Липень С.В. Преемственность в развитии юридической науки как аспект общей проблемы преемственности в праве // Юридическая техника. 2011. № 5. С. 294–297.
5. Виноградов П.Г. Очерки по теории права. М. : Тов-во А.А. Левенсона, 1915. 156 с.
6. Хвостов В.М. Общая теория права: Элементарный очерк. 6-е изд., испр. и доп. СПб. : Н.П. Карбасников, 1914. 147 с.
7. Лазаревский Н.И. Лекции по русскому государственному праву. Т. 1: Конституционное прав. 2-е изд. СПб. : Тип. акционерного общества «Слово», 1910. 480 с.
8. Шершеневич Г.Ф. Общее учение о праве и государстве. М. : Тип. Тов-ва И.Д. Сытина, 1908. 159 с.
9. Томашевский Н.П. О структуре правовой нормы и классификации ее элементов // Вопросы общей теории советского права : сб. ст. / под ред. проф. С.Н. Братуся. М. : Гос. изд-во юрид. лит., 1960. С. 194–254.
10. Зивс С.Л. Источники права. М. : Наука, 1981. 240 с.
11. Постановление Пленума Верховного Суда СССР № 2 от 18 марта 1963 г. // Сборник постановлений Пленума Верховного Суда СССР, 1924–1973. М. : Известия, 1974. С. 279.
12. Зивс С.Л. Конституция СССР в системе советского законодательства // Советское государство и право. 1978. № 6. С. 11–17.
13. Коркунов Н.М. Лекции по общей теории права. М. : Н.К. Мартынов, 1907. 354 с.
14. Литвинович Ф.Ф. Преемственность в механизме возникновения нового в праве // Вестник ВЭГУ. 2005. № 23–24. С. 63–67.
15. Рыбаков В.А. Советское право: преемственный аспект // Современное право. 2010. № 9. С. 13–17.
16. Аничкин Е.С. Конституционное право Российской Федерации и стран Центральной Азии в контексте универсализации // Правовые системы России и стран Центральной Азии: проблемы развития и взаимовлияния : сборник материалов Международной научно-практической конференции, посвященной 55-летию юридического факультета АлтГУ / под ред. А.А. Васильева, Е.С. Аничкина. Барнаул : Из-во Алт. гос. ун-та, 2018. С. 27–33.
17. Актуальные проблемы конституционного права России : учеб. для студ. вузов, обучающихся по направлению подготовки «Юриспруденция» / [Б.С. Эбзеев и др.]; под ред. Б.С. Эбзеева. М. : ЮНИТИ-ДАНА, 2016. 479 с.
18. Рыбаков В.А. Преемственность и рецепция – способы развития национального права // Юридическая техника. 2011. С. 19–25.
19. Скуратов Ю.И. Преемственность в конституционном праве (состояние, тенденции развития) // Образование и право. 2016. № 1. С. 8–16.

Статья представлена научной редакцией «Право» 21 ноября 2019 г.

Continuity in the Constitutional Law of Russia: Connection with the Previous Doctrine and Practice

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2020, 453, 253–257.

DOI: 10.17223/15617793/453/31

Tatyana I. Ryakhovskaya, Siberian Institute of Management, Branch of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (Novosibirsk, Russian Federation). E-mail: dnight@mail.ru

Keywords: constitutional identity; continuity in constitutional law; reception; constitutional originality; constitutional doctrine.

The interaction of states in the international legal sphere often leads to the reception and subsequent universalization of constitutional norms. The Russian Federation also had this experience. However, there is something characteristic of a particular country that does not lend itself to change—constitutional originality. According to the author, continuity is one of its characteristic parameters. Without legal fixation, continuity can be considered as the transfer by law of the state of the provisions and experience of past years to modern state law. The aim of this study is to specify and illustrate specific parameters that turned out to be the “connecting link” between state law of the past and the present. The theoretical basis of the study is works by pre-revolutionary (P.G. Vinogradov, N.I. Lazarevsky, N.M. Korkunov, G.F. Shershenevich, and others), Soviet (V.K. Babaev, S.L. Zivs, Neno Nenowski, and others), and modern (S.V. Lipen, F.F. Litvinovich V.A. Rybakov, Yu.I. Skuratov, and others) authors. The normative basis of the research is the previously existing constitutions of the USSR and the RSFSR, and the 1993 Constitution of the Russian Federation. The main research methods are formal logical, which allowed to clarify and generalize the views of scholars on the issue of continuity, historical legal and formal legal, which contributed to the justification of the position on the existence of continuity in constitutional law at various periods of the formation and development of the domestic state. In the course of the study, it was revealed that the continuity gap in the domestic doctrine was mentioned twice: (1) as something new, different from pre-revolutionary, in the context of building a system of socialist law; (2) as modern, not like Marxist. But, in spite of the indicated gaps, continuity is observed. As a result of the study, the author came to the conclusion that it seems possible to detect the brightest directions of the continuity process in constitutional law: (1) connection with the previous doctrine and practice (constitutional restoration); (2) forms used to consolidate constitutional legal norms. The specified directions turned out to be similar in pre-revolutionary and Soviet, pre-revolutionary and

modern, Soviet and modern periods. Moreover, it has been revealed that continuity as a process contributes to the preservation of features inherent in each particular state, and hence its constitutional originality.

REFERENCES

1. Babaev, V.K. (1975) O preemstvennosti mezhdru sotsialisticheskimi i proshlyimi tipami prava [On the Continuity Between Socialist and Past Types of Law]. *Sovetskoe gosudarstvo i pravo*. 12. pp. 102–107.
2. Nenovski, N. (1977) *Preemstvennost' v prave* [Continuity in Law]. Translated from Bulgarian. Moscow: Yurid. lit.
3. Prudnikov, A.S. & Chuvilkin, K.V. (2011) Mirovozzrencheskie problemy sovremennoy pravovoy nauki v rusle protsessov preemstvennosti v konstitutsionnom prave [Worldview Problems of Modern Legal Science in Line With the Processes of Continuity in Constitutional Law]. *Yuridicheskaya tekhnika*. 5. pp. 396–398.
4. Lipen', S.V. (2011) Preemstvennost' v razvitiy yuridicheskoy nauki kak aspekt obshchey problemy preemstvennosti v prave [Continuity in the Development of Legal Science as an Aspect of the General Problem of Continuity in Law]. *Yuridicheskaya tekhnika*. 5. pp. 294–297.
5. Vinogradov, P.G. (1915) *Ocherki po teorii prava* [Essays on the Theory of Law]. Moscow: Tov-vo A.A. Levensona.
6. Khvostov, V.M. (1914) *Obshchaya teoriya prava: Elementarnyy ocherk* [General Theory of Law: An Elementary Essay]. 6th ed. St. Petersburg: N.P. Karbasnikov.
7. Lazarevskiy, N.I. (1910) *Lektsii po russkomu gosudarstvennomu pravu* [Lectures on Russian State Law]. Vol. 1. 2nd ed. St. Petersburg: Tip. aktsionernogo obshchestva "Slovo".
8. Shershenevich, G.F. (1908) *Obshchee uchenie o prave i gosudarstve* [General Doctrine of Law and State]. Moscow: Tip. Tov-va I.D. Sytina.
9. Tomashevskiy, N.P. (1960) O strukture pravovoy normy i klassifikatsii ee elementov [On the Structure of a Legal Norm and the Classification of Its Elements]. In: Bratus, S.N. (ed.) *Voprosy obshchey teorii sovetskogo prava* [Issues of the General Theory of Soviet Law]. Moscow: Gos. izd-vo yurid. lit. pp. 194–254.
10. Zivs, S.L. (1981) *Istochniki prava* [Sources of Law]. Moscow: Nauka.
11. Supreme Court of the USSR. (1974) Postanovlenie Plenuma Verkhovnogo Suda SSSR № 2 ot 18 marta 1963 g. [Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the USSR No. 2 of March 18, 1963]. In: *Sbornik postanovleniy Plenuma Verkhovnogo Suda SSSR, 1924–1973* [Decisions of the Plenum of the Supreme Court of the USSR, 1924–1973]. Moscow: Izvestiya.
12. Zivs, S.L. (1978) Konstitutsiya SSSR v sisteme sovetskogo zakonodatel'stva [The Constitution of the USSR in the System of Soviet Legislation]. *Sovetskoe gosudarstvo i pravo*. 6. pp. 11–17.
13. Korkunov, N.M. (1907) *Lektsii po obshchey teorii prava* [Lectures on the General Theory of Law]. Moscow: N.K. Martynov.
14. Litvinovich, F.F. (2005) Preemstvennost' v mekhanizme vozniknoveniya novogo v prave [Continuity in the Mechanism of the Emergence of the New in Law]. *Vestnik VEGU*. 23–24. pp. 63–67.
15. Rybakov, V.A. (2010) Sovetskoe pravo: preemstvennyy aspekt [Soviet Law: A Continuity Aspect]. *Sovremennoe pravo*. 9. pp. 13–17.
16. Anichkin, E.S. (2018) [Constitutional Law of the Russian Federation and Central Asian Countries in the Context of Universalization]. *Pravovye sistemy Rossii i stran Tsentral'noy Azii: problemy razvitiya i vzaimovliyaniya* [Legal Systems of Russia and Central Asian Countries: Problems of Development and Mutual Influence]. Proceedings of the International Conference. Barnaul: Altai State University. pp. 27–33. (In Russian).
17. Ebzeev, B.S. (ed.) (2016) *Aktual'nye problemy konstitutsionnogo prava Rossii* [Topical Problems of Constitutional Law of Russia]. Moscow: YuNITI-DANA.
18. Rybakov, V.A. (2011) Preemstvennost' i retseptsiya – sposoby razvitiya natsional'nogo prava [Continuity and Reception as Ways to Develop National Law]. *Yuridicheskaya tekhnika*. 5. pp. 19–25.
19. Skuratov, Yu.I. (2016) Eligibility in a Constitutional Right of Russia (Status, Development Tendencies). *Obrazovanie i pravo – Education and Law*. 1. pp. 8–16. (In Russian).

Received: 21 November 2019